

Нарине Укумян: Мне хотелось бы начать нашу беседу с изречения известного немецкого учёного и публициста Георга-Кристофа Лихтенберга и попросить Вас его прокомментировать: “Почти невозможно пронести факел истины через толпу, не опалив кому-нибудь бороды”.

ВИТАЛИЙ ТРЕТЬЯКОВ: Афоризмы очень красивы, но их можно трактовать по-разному. Теоретически я согласен с этим утверждением. Практически, как человек уже далеко не юный, много видевший в своей жизни, много знающий не только в теории, по книгам, но и практически, в том числе и о политике, могу сказать: сейчас проблема не в толпе. На данный момент проблема как раз в том, что называется “элитой”. Элиты не дадут пронести “факел истины”, а не толпа.

Н. У.: То есть вы полагаете, что, в соответствии с вашей теорией конкурирующих деспотий, демократия – это совокупность конкурирующих деспотий? Тогда напрашивается вывод: “элиты сами опалиют бороды друг другу, и это не нравится ни той, ни другой стороне”.

В. Т.: Дело не в том, что они опалиют бороды. Бороды – это ещё слабо сказано. Когда-то жгли на кострах с бородами и без бород. А сейчас убивают людей дистанционно с помощью беспилотников, не испытывая никаких угрызений совести, которые всегда испытывал человек, даже злой, когда он убивал врага собственными руками. Он ощущал эту кровь на себе и мог чувством вины потом мучиться. А когда ты, сидя в комфортных условиях, куря сигару и выпивая чашку кофе, нажимаешь на кнопку, и продолжение твоей руки с помощью современных технологий убивает людей (неважно, врагов или не врагов, случайных людей, детей, женщин) – вот это новая проблема. Убийство без чувства вины. Даже без ощущения, что ты лично кого-то убиваешь. И элиты – это “золотой миллиард”, западные страны не хотят от этого отказываться, так как в этом их технологическое преимущество. Они считают недопустимой любую жертву со своей стороны. В первую очередь, кстати, не из особого человеколюбия, а потому, что это угрожает успеху на очередных выборах. Если убили одного их солдата – это проблема, если десять – трагедия, если тридцать – могут вообще выйти из войны. Но если убили тысячи, сотни тысяч со стороны противника – из-за этого США и Запад вообще войны не прекращают. Этот “золотой миллиард” чувствует себя элитой, позволяет себе всё, что ему хочется и нравится.

Вот пример из последнего “своеволия элит”: решили назвать браком сексуальные игры между мужчинами, которые испокон веков известны, и нового в них ничего нет. Многим это не нравится: европейской цивилизации – христианской, мне это, например, не нравится. Но если мне это не нравится, и я об этом заявляю, то автоматически становлюсь “гомофобом” и вообще недалёким человеком, нецивилизованным, нетолерантным, которого начинают обвинять во всех грехах. Однако если люди на Востоке, с восточными традициями, хотя жить по законам своих предков, допустим с многоженством, то это запрещается, рассматривается как отсталость, нецивилизованность той самой восточной цивилизации. Многоженство нельзя, а однополые браки можно.

Вырисовывается любопытная картина: себе разрешаем всё, а всякого несогласного моментально обвиняем в нецивилизованности и нетолерантности. Пока ещё в тюрьмы не сажают, но дело идёт к тому, что если ты будешь выступать против этих браков, тебе назначат какой-нибудь штраф. А от этого и до тюремного заключения недалеко.

Это известная методика, давно применяемая “элитой”: валить всё на массы, на народ, на людей, которые “не доросли”, “нецивилизованные”, пока деспоты или демократы не появятся и не укажут путь к “истине”. Миром всегда правили элиты, но сейчас это происходит откровенно и в открытую, уже под прикрытием “демократии”. И все народы разделены на те, которые имеют право всех судить, и те, кто такого права не имеет. Не говоря уже о народах, странах, которые зачисляются во враги человечества – в страны так называемой “оси зла”. Я считаю, что это гораздо более человеконенавистническая теория, чем отрицание права называть семьёй сексуальный союз двух мужчин или двух женщин. Однако если позволить себе с подобным заявлением выступить где-нибудь в Париже, на интеллектуальной площадке, или в Берлине, тебя непременно обвинят в поддержке разного плана диктатур: иранской, северокорейской и т. д. К сожалению, приходится констатировать, что в этом смысле русские воспринимаются как априори чуждые европейской цивилизации, такие азиаты, привыкшие к диктатуре, к тоталитаризму, сталинизму.

И последнее, что хотелось бы заметить по этому поводу. К сожалению, по всем тенденциям, которые становятся все более очевидными в последние десятилетия, когда мы, люди этой страны, большой России, именовавшейся и Советским Союзом (что сути дела не меняет), попросили то, что ранее нам казалось запрещённым, хотя тут тоже много преувеличенного, когда со многим, что знали из этой теоретически западной жизни, познакомились на ощупь за эти последние десятилетия, то мы увидели (я отчётливо это вижу), что европейская цивилизация умирает, причём сама себя упорно подталкивает к этой смерти. Европейская цивилизация создала высшие достижения мировой культуры, это фактически признают все, поскольку на них ориентируются, несмотря на моду на восточные культуры, которая периодически охватывает западное общество. Всё равно высшие культурные достижения, высшие достижения искусства – это европейская цивилизация от Античности и до середины XX века. Сейчас сама европейская цивилизация отрицает созданные ею ценности, губит их и разрушает. Элиты ведут толпу в тупик, в пропасть. Не хочу в этом участвовать и в меру своих сил этому сопротивляюсь словом и делом, которое я делаю, пытаюсь предложить и поддержать что-то конструктивное, противоположное. Не в толпе дело, не толпа виновата. Виноваты элиты.

Н. У.: Поясните, пожалуйста, кого именно Вы подразумеваете под “элитой”?

В. Т.: Пожалуйста. Правящий класс, как угодно называйте.

Н. У.: Если рассматривать Европу, то под “элитой” Вы, скорее всего, имеете в виду финансовую олигархию и крупный бизнес?

В. Т.: Финансовая олигархия плюс интеллектуалы, плюс богема. Они всегда соседствовали. Учёные и художники всегда работали, как правило, не в пещерах, а при дворах царствующих особ, тех, кто мог заплатить, за счёт этого достигалась и творческая свобода. Делал что-то по заказу – в свободное время делал то, что считал нужным. Это всегда соседствовало. Просто сейчас это уже практически одно и то же. Богема, правящий класс (прежде всего финансовый), интеллектуальная обслуга – всё едино.

Н. У.: Это очень интересная точка зрения, потому что появляются новые исследования, непосредственно связывающие конец христианской культуры

и зарождение арт-бизнеса в начале XX века. Кстати, этой теме посвящено прекрасное эссе философа и поэта Рубена Ангаладяна о “Чёрном квадрате” Казимира Малевича.

В. Т.: Существует множество разных теорий относительно квадрата Малевича и русского авангарда в целом. Это – икона, чёрная икона с не прорисованным ликом, и в этом смысле – да, это конец. Другие рассматривали в этой черноте метафизические глубины. Взгляд может быть разным. Однако и в конкретных произведениях русского авангарда, и в архитектуре русского конструктивизма начала XX века усматривается не только конец Серебряного века с его декадансом, но и, одновременно, попытка прыжка в будущее, в коммунистическую утопию, которой тогда все поклонялись, от которой потом все отрещивались. Интеллигенция сначала очень легко кланётся в верности некоторым идеалам, а потом столь же легко топчет их ногами – этом смысле это самые непоследовательные и циничные люди.

Н. У.: Может, с лабильной психикой?..

В. Т.: Лабильные – это такое позитивное слово. Лабильные – это когда люди приспособляются к обстоятельствам. Циничный – тот, кто других приспособливает под свои интересы и постоянно меняющиеся якобы идеалы, им же самим и провозглашаемые.

Н. У.: Лабильный больше употребляется как более адаптивный и легко поддающийся влиянию?..

В. Т.: Сейчас много теорий. В каждой теории один и тот же термин трактуется по-разному. Так вот, можно сказать так: предаёт свои собственные идеалы, причём те, которые она навязывала год назад или столетие назад другим, в первую очередь, – интеллигенция. Не народ и даже не правящий класс... У него всегда один интерес – властвовать.

Политики, финансисты – они более консервативны. Может, потому, что для сохранения власти консервативное начало надо сочетать в себе с неизбежной модернизацией. Старые рычаги управления ветшают. Но прежде чем войдут в силу новые, ты старые тоже не выпускаешь. Интеллигенции же всё равно. Она отрицает всё, в первую очередь, то, что раньше воспевала, и за новое хватается, которое потом тоже оплует и отвергнет.

Как бы ни подходить к конкретным произведениям и именам, для меня очевидно, что произошло своеобразное перерождение авангарда сначала в китч, а затем – в современное постмодернистское искусство, которое, скорее, смахивает на бизнес-проект, чем на творчество и, тем более, на духовное возрождение. Это можно идентифицировать как своеобразный рубеж. Я бы мог усмотреть в европейской цивилизации, несмотря на её политические тупики, перспективу, если бы она не отрекалась от достижений своего высочайшего искусства и образов прекрасного, чему поистине нужно поклоняться, и перестала бы признавать замечательным то аморальное и безобразное, что было отражено в искусстве и раньше, но никогда не воспевалось в качестве идеала. До середины XX века классическое искусство руками таких творцов в России, как Шолохов, Платонов, а на Западе, например, Томаса Манна, активно развивалось, и модернистские мотивы там вполне присутствовали!

Сейчас же мы наблюдаем полное отречение от классики, складывается впечатление, что все вершины великого искусства позади, за нашей спиной, и мы всё больше и больше отдаляемся от этих вершин, уже даже не оглядываясь и не сравнивая, а всего лишь упоминая – для придания статусу какому-то своему произведению искусства (к примеру, ссылаясь на Леонардо да Винчи, говорим, что и у него когда-то что-то подобное было...). Мы уже не в долину спускаемся, мы уже в пропасть то ли катимся, то спускаемся... А если высшие интеллектуальные, культурные достижения какой-либо цивилизации (не в технике дело, не в технологиях) отрицаются в пользу безобразного, гармоничное – в пользу какофонии, – это и есть падение, конец. Поэтому Малевич, относясь ещё к тому, классическому искусству, велик, и всё созданное им – прекрасно. Но коль скоро его берут, как зная, уже нынешние якобы творцы, якобы художники – это уже падение. Для меня тут всё ясно, потому что массовая культура сейчас правит миром во всех его проявлениях. Массовая культура, массовая политика со всей её театральностью царит во всём. Никогда правители не пытались быть похожими на “массы”. Были случаи, когда они соединялись в минуту трагедий с народом, но никогда они не приравнивали себя к народу по внешним проявлениям. Это и называлось

аристократизмом. А теперь наступила эпоха “псевдодемократичности”. И сейчас, хотя так же кулуарно, так же в закрытых кабинетах и втайне от широкой публики, принимаются принципиальные решения, но внешне всё подаётся как референдум, как демократия. Дескать, мы летаем теми же самолётами. Лучше бы они не летали теми же самолётами, но меньше принимали тайных от своих парламентов, от своего народа решений. Массовая политика, массовое образование, которое снижает среднюю планку. Она уже приближается к тому, что раньше считалось невежеством. Это удивительный феномен: раньше в рамках европейской цивилизации образованность всё больше отдалялась от невежества – это было вполне естественным процессом. А теперь пошло в прямо противоположном направлении. “Образованный человек” теперь может быть невеждой и даже не стесняется этого. У него диплом о высшем образовании, а он не стесняется показать, что не знает этого и не хочет знать, и не стыдится своего незнания: “А почему я должен знать? А почему я должен читать “Каренину” или Кафку? Да я же фильм смотрел”. Вот в чём проблема. Искусство становится объектом бизнеса. Люди всегда были неравнодушны к деньгам, это понятно. На деньги покупаются блага. Но всегда оставалось то, что не должно оцениваться деньгами. Начиная от любви, хотя всегда существовала и продажная любовь, и браки по расчёту. Существовала граница между добром и злом, она очень медленно сдвигалась. А сейчас нет никакой границы. Что хочу, как хочу, так и буду делать, потому что я – свободная личность. Утрированное до невежества понимание свободы. Стремление определить всему материальную цену. Сейчас, к примеру, в первую очередь фильмы оцениваются по тому, каков был кассовый сбор; картины, в том числе, классиков, оценивают по денежному эквиваленту предложений на аукционе за то или иное полотно. Сейчас не стесняясь говорят, что деньги – это главное мерило ценности человека. . .

“Бизнес-план” – это очень популярный сейчас термин, это главное. А то, что ты хочешь сделать лучше других, интереснее других – это всё на полях, а главное – бизнес-план и прибыль. Будет прибыль – мы тебе позволим сделать это лучше других, не будет – нам не нужно твоё “лучше других”. Будет прибыль, если ты сделаешь хуже других? Под это мы тебе дадим денег.

Н. У.: Замечательный пассаж! Мы сейчас как раз подошли к теме ценностей и их девальвации. Я хотела бы с Вами поговорить о культуре и соотношении культуры и рациональности. Вы уже это затронули, сказав о так называемой рациональной любви. Рациональная любовь, рациональная политика – “realpolitik” – и то, что стоит за этими понятиями. В начале нашей беседы Вы сказали: если не видишь, как ты убиваешь, у тебя пропадает чувство вины. Скажите, есть какое-либо решение в эпоху “девальвации ценностей” и можно ли спасти культуру, “реанимировать” её, если можно так выразиться?

В. Т.: “Realpolitik” как раз неплохо. Плохо, когда говорят, что всё стало демократическим, а проводят ту же самую политику, целью которой является подчинение одних другим, рассказывая при этом сказки, что хотят “не подчинить, а цивилизовать и осчастливить” и т. д.

Если отойти от политики, в целом от цивилизационных наших проблем, опять же я вижу признаки того, что европейская цивилизация изжила себя в поведении людей, которые эту цивилизацию представляют наиболее активно. И через этот рационализм мы прошли. Эпоха Просвещения и есть эпоха рационализма, когда в отличие от чувственного восприятия и просто веры в нечто божественное, высшее и прекрасное нужно было подключить разум, чтобы доказать, что верую, потому что мне это нужно, или верую, потому что это абсурдно.

Эпоха Просвещения привела к массовому образованию, фактически к расцвету университетского образования, к всеобщему, сначала начальному, а потом среднему образованию на просторах Европы, включая Россию. Дальше соотношение было нарушено. Если до того нашей цивилизации не хватало этого рационального, то сейчас рациональное, в том числе, в денежном эквиваленте, преобладает. Я, будучи неверующим человеком (не знаю, есть Бог или нет), исхожу из того, что если человечеству Бог понадобится, то это неслучайно! В этом есть естественная необходимость, а не расчёт какой-то секты, которой было нужно именно так, чтобы они выдвинули “лидера”, а потом для управления другими построили Церковь, христианскую, допустим.

Я имею в виду, что существуют в жизни человека вещи, которые выходят за рамки рационального, иногда сплетаясь с ним. Чувство боли, например. Оно рационально или нет? В принципе боль не рациональна, а эмоциональна, но даже на своём теле ты знаешь точки, которые, если на них нажать, будет больно, а на другие можно нажимать, не чувствуя боли. И если ты или другой человек приближаешь палец к этой точке на теле, ещё не почувствовав физической боли, ты заведомо представляешь, как это может быть, и поверьте, это ещё ужаснее, чем сама боль.

Феномен Бога, Церкви, веры отвечает в нашей цивилизации за мораль. Не уголовный кодекс, а именно это. Казалось бы, гораздо слабее христианские заповеди, чем уголовный кодекс, за которым система наказаний, слежки, поминки того, кто нарушил что-то, наказания и даже казни. А вот с помощью этого оружия преступность победить не удалось. Были теории, что когда-нибудь преступности не будет. Теперь от них отказались. В то же время вера, моральные запреты, несмотря на свою эфемерность, гораздо более эффективны и, возможно, как раз они, а не уголовное-репрессивная система сдерживают самопожирание человечества, в частности, нашей цивилизации. Я уже не говорю о роли церковей разных религий просто в строительстве отдельных государств, в консолидации народов, в консолидации самой христианской цивилизации — это просто исторические факты.

Поэтому я считаю, что есть вещи, которые нельзя трогать. Человек создан так: можно заменить руки, ноги, но тоже до определённого предела, потому что тогда это будет не человек, либо уже другой человек. А человеком является тот, кто родился от мужчины и женщины, от других людей. Потом ты ему можешь что угодно поменять, обновить, однако родиться он может только от естественных отца и матери, в противном случае это уже не человек, а что-то другое. И наша цивилизация — человеческая. По крайней мере, пока, на данный момент. И раз человек родился с необходимостью верить во что-то иррациональное, Бог ли это называется, или Вселенский Разум, значит, так это и должно быть. Причём это же коллективное. Это же не так, что Бога придумал кто-то один и навязывает другим. Это, видимо, имманентное свойство человеческой цивилизации. И второе: это коллективность, потому что мы не знаем отдельно живущих людей. Миллиардеры могут строить себе замки, уединяться там. Но они, как минимум, нуждаются в службе. Если даже это роботы для обслуживания, то этих роботов кто-то создаёт. И они нуждаются в любви, в каких-то её проявлениях, а для этого нужен партнёр, как минимум, один из других людей. Человечество — это не семь миллиардов отдельно взятых людей. Это сумма человеческих общностей. И общественное, коллективное, соборное, солидарное — оно выше индивидуального. Для меня совершенно это очевидно. Выжить в одиночку ни один человек не может. Ни взрослый, ни ребёнок. Ребёнок, понятно, до определённого возраста всегда находится под опекой взрослых. Но и взрослый не может в одиночку выжить. Пусть возьмёт копьё, топор и выйдет в тайгу. Посмотрим, сколько в степи, в тайге он продержится в одиночку.

Н. У.: А как же опыт Робинзона Крузо?

В. Т.: Робинзонада — это замечательный научный эксперимент. Но Робинзон выжил именно благодаря тем достижениям человечества, которые крохами сумел сберечь после кораблекрушения. Там зерно, тут горстка табака, плюс навыки строительства жилища. Не сам же он всё это придумал! Поэтому отрицаю прав общего во имя права одиночки я даже не рассматриваю как философскую проблему, как моральную проблему, я рассматриваю это как естественную, физиологическую проблему. Человек — коллективное животное, он выживает только в роде, в коллективе. Продолжение рода — это один из главных инстинктов человека, на это, кстати, любовь сексуальная наслаивается и институт семьи. Традиционной, а не однополый.

Поэтому те, кто в нашей цивилизации отрицает необходимость веры... Я-то сам не верю в Бога...

Н. У.: Поэтому я с огромным интересом слушаю... Знаете, Ваши ценностные ориентиры мне понятны. Кажется, Лев Николаевич Гумилёв говорил о том, что "... в критический момент найдутся какие-то люди, которые опять поставят во главу угла не свой личный эгоистический интерес, не свою шкуру, а свою страну, как они ощущают её, свой этнос, свою традицию".

В. Т.: Вынесение веры на периферию и отрицание примата коллективности над правами одного – это делают люди, которые фактически выступают против того, чтобы человечество выжило. Умные, глупые, циничные, какие мечты у них в головах, какие обоснования научные – меня это не интересует. Человек, который отрицает фундаментальные основания для выживания моей семьи и моего рода – это человек, который так или иначе пытается вести меня и всех остальных к гибели. Я не хочу его слушать, я не хочу с ним спорить, я не хочу, чтобы он руководил и навязывал мне так называемые толерантность и политкорректность. Этот человек должен быть изолирован гуманными способами, отстранён от власти и общественной трибуны.

Н. У.: Уточните, пожалуйста: в начале нашего разговора Вы говорили об “элитах”. Должны быть отстранены “элиты” или “отдельная личность”?

В. Т.: Я повторяю: во всём виноваты элиты. Можно рассматривать отдельные исторические казусы, но общество, масса, толпа захватываются с помощью массовой культуры, моды. Захватываются элитами для того, чтобы та или иная точка зрения доминировала. Поэтому я не вижу никаких противоречий. Либо менять элиты нужно, либо нужно разрушать механизмы – всё, что сейчас построено на механизмах массовой культуры. Не в одиночку дело.

Н. У.: Нет, мы просто перешли от элиты к отдельно взятой, доминирующей и диктующей “правила игры” личности. Соответственно, не можем не затронуть темы свободы личности. На мой взгляд, не следует путать понятие “индивидуальности” и свободы отдельно взятой личности – это принципиально разные вещи. Элита же – это понятие социально-политическое и общественное, индивид – нечто другое.

В. Т.: Никакой свободы отдельно взятой личности не существует и не может быть. Если ты свободен, возьми мотыгу, иди в пустыню и будь там свободен, добывай себе хлеб, но ты живёшь в семье, в сообществе людей... и без этого ты ничто, не человек и не личность.

Н. У.: Не все художники были придворными, если говорить об искусстве. В целом, да, они должны продавать свои произведения, чтобы зарабатывать на хлеб насущный.

В. Т.: Какие-то да. Какие-то были не придворными, но мечтали ими стать. Так или иначе, если говорить о том, что высшее образование вышло из стен монастырей, точно так же можно констатировать, что искусство, которое сегодня признаётся классическим, сформировалось благодаря “придворному искусству” – при власти, при тех, кто лучше мог платить.

Н. У.: Однако сегодня мы имеем другую картину. Нет дворов, но есть богатые люди, которые тоже вполне платежеспособны.

В. Т.: Какая разница-то? “Свободная личность”. Нет для меня понятия такого. Есть семья. Мы не можем отрицать, что люди, несмотря на весь идиотизм, который на Западе происходит, рождаются от людей. И семья полигамная, моногамная, это можно долго рассматривать, но семья – это мужчина и женщина, в первую очередь, потому что от них рождаются дети. Маленькая семья – это часть большой семьи под названием племя, род, нация, народ. В этой семье, пока дети маленькие, их все опекают, когда старятся родители – их опекают. Зачем? Легче их убить, не кормить, не поить. Семья – это всегда коллективное действие. Никакой демократии там нет. Глава семьи не демократией заниматься должен, а принимать решения в интересах всей семьи, а не себя самого. Если нужно, то и авторитарные решения. Ты можешь принимать решения в угоду себе одному, но тогда у тебя погибнет вся семья. Что, это называется свободная личность? Если это так, то я против таких свободных личностей. Эти личности являются преступными. Получается, если ты свободная личность, то вправе игнорировать интересы рода и семьи, что, впрочем, со многими художниками и происходит: они жертвуют интересами родителей, детей, жен ради того великого, что они сотворят. Если великое сотворят. Но таких, творящих великое, мало. А желающих игнорировать интересы других, не создавая великое, вот таких-то сколько угодно.

Н. У.: Это свобода личности?

В. Т.: Скажем так: да, если ты создал действительно великое произведение искусства и оставил его человечеству. Ты презрел интересы семьи, свои личные интересы, может, ты гениальный художник, но родственники в дневниках своих пишут “мерзавец ещё тот”. Но нам это неважно. Пострадала

твоя семья. Многие семьи страдают — и совсем не только от гениальных людей. Но ты оставил “большой семье”, человечеству, образцы прекрасного — тогда эта жертва может быть приемлемой. Но если ты не создал ничего, а просто говоришь: “Я свободная личность, поэтому пошли вы все на фиг, как хочу, так и действую”. Причём эти якобы свободные личности свои личные интересы очень любят ублажать. Зачем мне такая свободная личность? Ты отрицаешь то, что многие до тебя пытались отрицать, а что ты даёшь взамен? Где то гениальное полотно, которое ты оставил? Да, ты гомосексуалист, да, пожалуйста, тебе никто не запрещает. Но какую симфонию ты оставил после себя, кроме примитивной мелодии на гей-параде?

Н. У.: Кто-то оставляет. Скажите, где та грань между дозволенной границей “свободы самовыражения” и соблюдением интересов коллектива (семьи, общества), нарушение которой чревато неприятными последствиями как для индивида, так и для общества?

В. Т.: К сожалению, в Россию активно экспортируются образцы западной культуры, а цивилизация европейская идёт в тупик, в пропасть, поэтому, на мой взгляд, перспектива плачевна. Кто-то сопротивляется, кто-то говорит, что у нас *особый путь*, а в реальности идёт не особым. Какое может быть высокое образование, когда главный навык образования — умение творить самому, научившись до этого чему-то, писать своей рукой текст, например, сочинять и сравнивать его не с текстом соседа по парте, а с образцами классики, потому что до тебя очень уже было много написано, от Гомера до остальных, — так вот, этот принцип уже давно не соблюдается! Сколько “шедевров” развелось! Что ни текст, то — “шедевр”! Как документ — да, всё имеет право на существование, как произведение искусства — нет. Но сейчас произведение искусства — всё, потому что каждый ребёнок талантлив, каждый ребёнок гениален, каждая свободная личность творит себе образцы и идеалы. Абсурд! Если мы не возвращаем сочинения в русскую школу, то о каком возрождении высшего образования может идти речь? Мы не собираемся ничего возрождать. Всю жизнь, испокон веков, знания передавались от учителя к ученику, глаза в глаза, уста в уста. Вот самое эффективное. А нам навязывают дистанционное образование. Дистанционное образование — это когда человек идёт в библиотеку и берёт книгу, потому что автор умер и он не может с ним поговорить. А когда можно образовываться, сидя у себя дома, лежа на диване и с помощью компьютера “шагать по всей Сети”, о каком возрождении настоящего образования можно говорить? Абсурд.

Всё, что мы видим, включая компьютеры и интернет, создано теми, кто жил до нас на основе принципов: учитель и ученик в одном помещении беседуют, тексты сочиняются и пишутся своей рукой. Проверяются они не на основе того, что ты здесь правильно что-то обвёл или галочки поставил, а читают два текста и разбирают их. Обсуждается не то, что неправильно в трёх клетках что-то указано, а в целом анализируется весь текст. Ошибок может быть много — мало кто из великих писателей без ошибок писал, однако важна логика размышлений, стиль изложения, его оригинальность, глубина анализа и масштаб описания, а не наличие или отсутствие трёх правильных дат.

Заметьте, что чем больше мы ориентируем нашу школу (по указу, а скорее всего — даже по приказу Запада) на тестовую проверку знаний, тем меньше этих самых конкретных знаний остаётся в памяти школьника. То есть и здесь результат прямо противоположен цели, если даже она не была ложно поставлена.

Если бы у древних греков был интернет и телевизор, мы бы сейчас не имели ни интернета, ни телевизора.

Так вот, мы вошли в стадию, когда у нас есть интернет и ТВ, и мы, возможно, уже ничего другого иметь не будем. И все усилия сводятся только к одному: чтобы создать искусственный мозг, искусственного человека, то есть нечеловека. Зачем? Создать не себя...

Н. У.: Вы говорите о массовой культуре и об универсализации ценностей. Как Вы относитесь к технологиям управляемого хаоса? Считаете ли Вы, что они были применены в эпоху перестройки и подразумевали содействие либеральной демократии и развитию рыночных отношений как своеобразный трамплин для укрепления политического влияния. Похоже, прав был Бисмарк, когда говорил: “Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить ложные ценности, и тогда они победят сами себя”.

В. Т.: В некоторых отдельных небольших странах теория управляемого хаоса, управляемого конфликта, безусловно, работает, она применяется на Ближнем Востоке, в частности, и мы это видим. Сейчас всё технологично, можно с помощью “Твиттера” или чего-то подобного запускать слухи, сеять панику. Конечно, такой гигант, как СССР, с помощью управляемого хаоса развалить было невозможно, если внутри не было бы чего-то, что уже не “выдерживало собственного веса”. Тут много всяких причин разных. Но и здесь главное – безответственное поведение элит, правящего класса, включая богему, интеллигенцию, которая вообще по дешёвке продала свои идеалы. Всё, чего они хотели, – это замшевые пиджаки, джинсы, да не одну пару, а три. Ничего больше. При этом ещё говорили о свободе самовыражения. А кто из них в спецхранах работал? Да всё можно было прочитать в СССР. Да, это не валялось на прилавках, но в спецхранах всё было. И желающие – читали.

Н. У.: А может, и не следовало?

В. Т.: Информационных границ не бывает.

Н. У.: Кто хотел, тот находил и читал?

В. Т.: Просто закрыть себя от вредной информации не рационально.

В этом смысле Запад выиграл. Но я о другом: клялись на высоких идеалах, а реальные инстинкты и интересы были пиджаки, костюмы, магнитофоны. А они потом это увидели. Где это в СССР было видано, чтобы школьная учительница в Москве в мусорном баке искала еду? У нас в рабочем районе Москвы в 60-е годы пять пьяниц было. Все их знали в лицо, они только пустые бутылки собирали на бульваре, чтобы сдать их, могли и из мусорного бака достать бутылочку, но не одежду, тем более, не кусок хлеба. Уже 25 лет экономических реформ и свободной экономики. Где все эти гуманисты? Куда они исчезли? Все за права человека. А где права этой старой учительницы?

Н. У.: Справедливое замечание! Как может процветать нация, если учитель боится?..

В. Т.: Профессия учителя обесценена до предела. Вышедший на пенсию только из мусорного бака что ли есть может? Вот и Болонская система. Всё происходит автоматически. Человеческое желание хорошо жить, хорошо одеваться естественно. Но вы либо сами себя обманывали, думали только о шмотках, либо других обманывали. Всё последующее поведение нашей интеллигенции доказывает, что никаких настоящих идеалов (“свобода, демократия, равенство”) у неё не было. Нам нужно было общество потребления с потреблением, как на Западе. Только этого мы и хотели.

Н. У.: Наверное, это в природе человеческой.

В. Т.: В природе человеческой лукавить, врать, обманывать. Но редко какой лгун выходит и начинает учить других морали. Претензия не в том, что интеллигенция лжет. Мы все грешны. Только мы не выходим и не учим всех, как жить благочестиво, а сами потом прямо в грех и в бардак. А они же выходят. Я своим студентам говорю об этом, не приукрашивая, но и не обливая грязью всё подряд, поскольку моральных проблем в журналистике, телевидении очень много. “Тот, кто с этой трибуны – без меня ли, при мне ли – вам начнёт читать лекцию о морали, бойтесь его. Личность, мастер, рассказывает не о морали. Он делится профессиональными навыками и при этом говорит, что есть проблема, которую можно так решить, а можно решить по-другому”. Я никогда не говорил, что если так решишь, то ты отвратителен. Да, я знал, кто у меня в газете публикует заказные статьи. Когда я их ловил, увольнял авторов. Но я никогда не осуждал их морально. У этого человека есть семья. Либо он получает здесь столько, что его семья спокойно живёт, жена покупает платья по крайней мере раз в месяц, дети нормально питаются, тогда я говорю: что ж ты, зараза, ещё при этом и “заказуху” гонишь? А если я как начальник не могу обеспечить ему нормальное существование, то я бороться с этим могу, выгонять, но не осуждать. Этого я никогда не делал.

Н. У.: По ходу Ваших размышлений раскрываются всё новые грани, новые взгляды – от “высокого искусства” и до простой, житейской философии, основанной на библейских заповедях.

В. Т.: В данном случае о Боге ничего говорить не буду. Я просто скажу, что даже если бы вы брали интервью у самого гениального и самого известного из ныне существующих людей, время, тем не менее, должно быть ограничено. Того, что мы наговорили, вполне достаточно для публикации. Либо это вызовет интерес, либо нет.

Н. У.: Благодарю Вас за интересную беседу.